

В. В. Седов

ЕЩЕ РАЗ О ПРОИСХОЖДЕНИИ БЕЛОРУСОВ¹

Верхнее Поднепровье и области современной Белоруссии, как отчетливо свидетельствуют материалы гидронимики и археологии, до прихода славян были заселены балтоязычными племенами. Эти племена не покинули мест своего обитания и постепенно были ассимилированы славянами. Таким образом, этническое и языковое развитие славян Верхнего Поднепровья и смежных с ним областей происходило в условиях воздействия балтского этнического и языкового субстрата. Эти положения, еще совсем недавно принимавшиеся «в штыки», ныне представляются достаточно аргументированными. Во всяком случае, со стороны П. Н. Третьякова они встретили полную поддержку.

В моей статье «К происхождению белорусов»², с которой полемизирует П. Н. Третьяков, было показано, что некоторые элементы культуры верхнеднепровских славян VIII—XII вв., ряд этнографических, антропологических и языковых особенностей белорусов являются следствием взаимодействия пришлого славянского населения с местными балтами. Отсюда неизбежен вывод — формирование белорусской этнолингвистической общности проходило при воздействии на днепро-двинско-понеманскую часть восточного славянства балтского субстрата³.

П. Н. Третьяков возражает против этого заключения. Его основной аргумент: балты расселились на гораздо более широких пространствах, чем их древняя территория, одновременно со славянами, а в некоторых местах (мощинская культура) даже раньше славян. Значит, утверждает П. Н. Третьяков, балты были субстратом не только славян белорусской территории, но и славянского населения других древнерусских земель.

Однако, на мой взгляд, широкое расселение балтов несколько не мешает предлагаемым выводам о формировании белорусов в условиях взаимодействия славян с балтским субстратом. Так, новгородское цоканье, по всей вероятности, возникло в русских говорах под воздействием финно-угорского субстрата⁴. И если кто-либо из исследователей стал бы возражать против этого на том основании, что финно-угорские пле-

¹ Ответ на опубликованные в журнале «Сов. этнография» статьи П. Н. Третьякова «Восточные славяне и балтийский субстрат» (1967, № 4), В. А. Жучкевича «К вопросу о балтийском субстрате в этногенезе белорусов» (1968, № 1) и М. Я. Гринבלата «К происхождению белорусской народности» (1968, № 5).

² «Сов. этнография», 1967, № 2, стр. 112—129.

³ Терминам «балтийский» и «балтский» следует, на мой взгляд, придать разное значение. Балтийский лучше употреблять для наименований, производных от Балтийского моря. Например, балтийские славяне (они не имеют никакого отношения к балтам), балтийская археология (Конгресс балтийской археологии в Риге 1930 г., Балтийский сборник исследований по археологии, Балтийский подготовительный комитет 1914 г. и т. п.), балтийская этнографо-антропологическая экспедиция. Язык же балтов целесообразнее называть балтским. Сочетание четырех согласных обычно для русского языка (например, антский, куршский, вепеский, удмуртский, пермский, петербургский и т. п.).

⁴ С. Б. Бернштейн, Еще раз о происхождении русского цоканья, «Romanoslavica», X, Bucureşti, 1964, стр. 191, 192.

мена занимали более широкую территорию, чем ареал русского цоканья, никто бы не признал это возражение серьезным. Ибо при изучении происхождения русского цоканья нельзя не учитывать разнородности финно-угорского субстрата на русской территории, факта заселения севернорусских земель разными славянскими племенами и прочие условия.

В равной степени при изучении вклада балтского субстрата в этногенез восточных славян необходимо считаться с совершенно различными условиями, в которых протекали этногенетические процессы на белорусской и русской землях. Белорусская этнолингвистическая территория с самой отдаленной древности, доступной лингвистическому анализу, и до расселения славян была занята балтами, а севернорусские земли в древности принадлежали финно-угорским племенам. Финно-угры, так же как и балты, в процессе славянского расселения оставались на местах своего обитания, некоторое время жили в инородном окружении и в конце концов растворились в славянской среде. Следовательно, финно-угры были одним из субстратных компонентов при формировании северной группы восточного славянства.

Различия между белорусской и севернорусской этнолингвистическими территориями постоянно и ярко обнаруживаются в археологических материалах. В эпоху раннего железа в области формирования белорусов (или иначе — в восточной части древнего балтского ареала) были распространены близкие между собой культуры штрихованной керамики, днепро-двинская, юхновская, верхнеокская и несколько своеобразная милоградская. Их балтская атрибуция не вызывает сомнений. Все эти верхнеднепровские культуры значительно отличаются от синхронных древностей финно-угорского населения — культуры текстильной керамики (рис. 1).

В первой половине 1 тысячелетия н. э. балты несколько расширяют свою территорию в северо-восточном направлении, колонизируя западные районы Волго-Окского междуречья. Однако балты не вытесняют финно-угров, а расселяются в их среде. Об этом говорят данные гидронимики и археологии — в западной части междуречья Волги и Оки имеются названия и балтского, и финно-угорского происхождения⁵, а в культуре москворецких городищ 1 тысячелетия бесспорны финно-угорские элементы⁶. В середине и третьей четверти 1 тысячелетия вся область будущего формирования белорусов представлена памятниками типа Тушемли — Банцеровщины — Колочина (рис. 2), генетически связанными с более ранними балтскими древностями. В западной части Волго-Окского междуречья, там, где балты смешались с финно-уграми, получает распространение мошинская культура, заметно отличавшаяся от синхронных верхнеднепровских древностей. Финно-угорские элементы здесь налицо. Е. И. Горюнова справедливо отмечает, что формы керамики Шанькова и Почепка весьма разнообразны и среди них имеются такие, которые обнаруживают связь с глиняной посудой синхронных финно-угорских поселений и могильников восточной части междуречья Волги и Оки⁷. В связи с этим Е. И. Горюнова считает мошинское население местным. Даже позднее, в древнерусское время, в западных районах Волго-Окского междуречья наряду с балтскими элементами выступают и финно-угорские (рис. 3). Следовательно, здесь можно говорить о балто-финно-угорском субстрате, а не исключительно балтском. И это обстоятельство не могло не повлиять на диалектное и языковое членение восточного славянства.

⁵ В. В. Седов, Из гидронимики Волго-Окского междуречья, сб. «Питания ономастики», Киев, 1965, стр. 284—290.

⁶ А. Ф. Дубынин, Троицкое городище Подмосковья, «Сов. археология», 1964, № 1, стр. 178—198; И. Г. Розенфельдт, Щербинское городище, там же, стр. 165—177.

⁷ Е. И. Горюнова, Этническая история Волго-Окского междуречья, М., 1961, стр. 212.

Что касается более северных и восточных областей древнерусской территории, то там вообще нет никаких оснований говорить о балтском субстрате. До славянского расселения Новгородчина, Ярославское Поволжье и Ростово-Суздальская земля безраздельно принадлежали финно-угорскому населению. Древнерусское население этих областей формировалось при воздействии финно-угорского субстрата. Правда, как

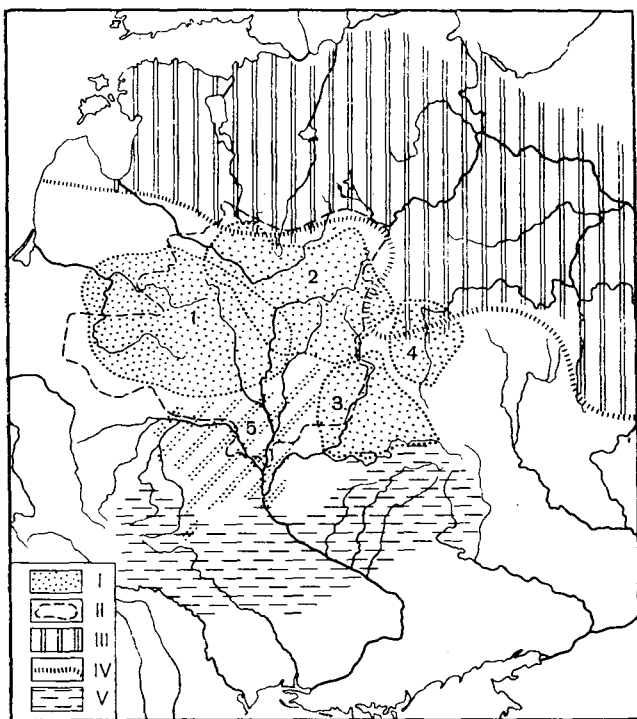

Рис. 1. Балты, финно-угры и скифы в эпоху раннего железа

I — ареалы восточнобалтских культур (1 — культура штрихованной керамики; 2 — днепро-двинская; 3 — юнновская; 4 — верхнеокская; 5 — милоградская); II — граница белорусской этнолингвистической территории; III — культура сетчатой керамики (ареал финно-угорских племен); IV — южная граница ареала финно-угорской гидронимии; V — скифские лесостепные культуры (ираноязычные племена)

свидетельствуют археологические материалы, в частности положенные в основу моих карт (см. статью «К происхождению белорусов»), славянское население, продвинувшееся в северо-восточные и северные области Древней Руси из верхнеднепровских территорий, было уже отчасти метисным. В составе колонистов были и славяне, и славянизированные балты, и, вероятно, балты, не успевшие раствориться в славянской среде. Однако участие балтского компонента в славянской колонизации не дает права для заключения о формировании севернорусов при воздействии балтского субстрата.

Летопись сообщает, что в конце X в. киевский князь Владимир основывал новые поселения на Суле, Стугне, Трубеже, Остре и Десне, направляя туда переселенцев с севера — славян и чудь⁸. Это отражено и в археологических материалах. Разве на этом основании можно говорить о финно-угорском субстрате в Левобережной Украине? Славянское

⁸ «Повесть временных лет», т. I, М.—Л., 1950, стр. 83.

население, колонизовавшее зауральские земли, до этого впитало в себя в той или иной степени и финно-угорские, и балтские, и иранские этнические элементы, но никто не станет в связи с этим писать о балтском субстрате в населении Сибири или о финно-угорском субстрате на Дальнем Востоке.

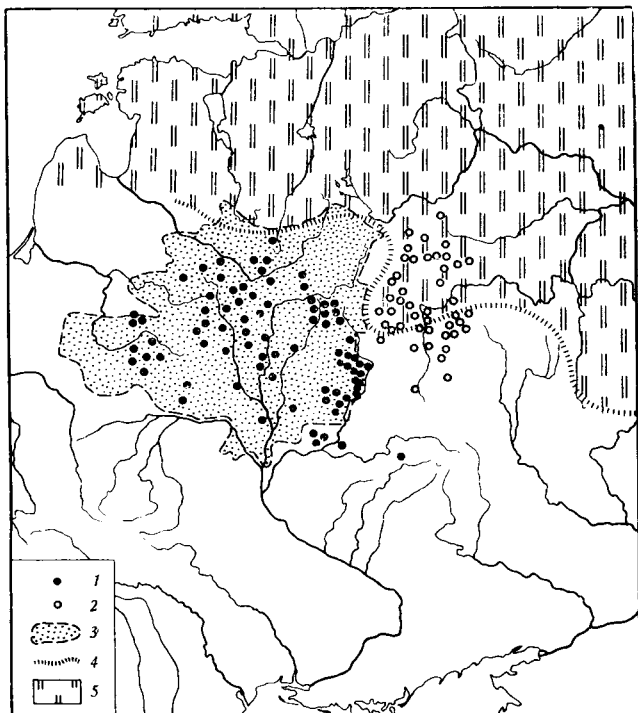

Рис. 2. Балты и финно-угры накануне славянского расселения.

1 — памятники типа Тушемели — Банцеровщины — Кoločина; 2 — памятники мощинской культуры; 3 — белорусская этнолингвистическая территория; 4 — южная граница ареала финно-угорской гидронимии, 5 — ареал финно-угорских племен в эпоху раннего железа

Субстратом языковым принято называть язык такой этнической группы, который в условиях внутрорегионального контактирования был побежден языком пришлого населения. Субстрат этнический — та этническая группа, которая в результате просачивания на ее территорию другого народа подверглась ассимиляции. Субстратным по отношению к славянам севернорусских земель было не балтское, а финно-угорское население.

Роль балтского компонента в формировании славянского населения северных и северо-восточных земель древнерусского государства была незначительной. Нужно иметь в виду, что составленные мною карты балтских элементов в древнерусских курганах отражают только их распространение. Они отнюдь не показательны для определения роли балтов в этногенезе славянского населения тех или иных районов Восточной Европы. Например, такие памятники, как Заславль (Минская область) и Кирьяново (Верхнее Поволжье), обозначены на картах одинаковыми значками. Между тем в первом пункте из 52 исследованных курганов погребения с балтскими элементами встречены в 29⁹, а на 59

⁹ А. Н. Ляўданскі, Археалёгічныя раскопкі ў м. Заслаўі Мінскай акругі, «Працы катэдры археалёгіі Беларускай Акадэміі навук», т. I, Менск, 1928, стр. 1—92.

раскопанных курганов в Кирьянове приходится только одно захоронение с балтскими особенностями¹⁰. Если бы это отразить на картах, то всю белорусскую этнолингвистическую территорию пришлось бы покрыть сплошным черным пятном. Наоборот, в Новгородской и Ростово-Суздальской землях подобных балтизмов мало и они обычно теряются среди

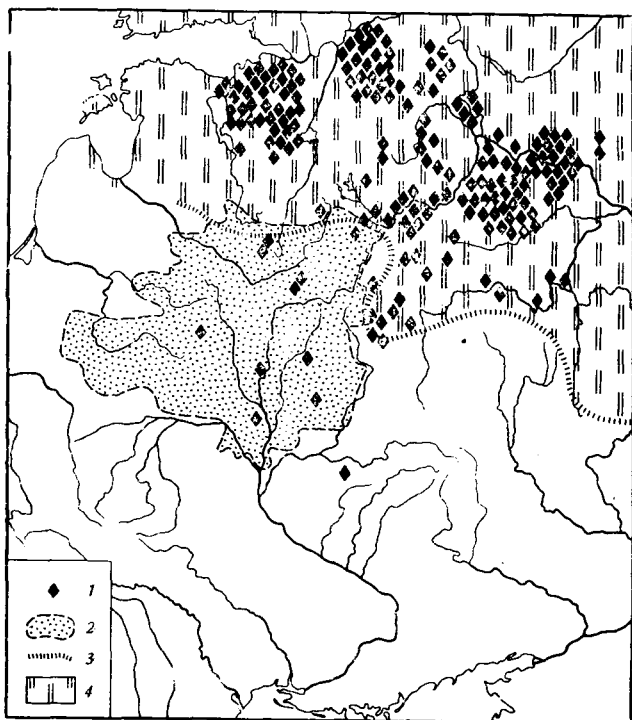

Рис. 3. Финно-угорские элементы в древнерусских курганах.

1 — курганные могильники с финно-угорскими элементами; 2 — белорусская этнолингвистическая территория; 3 — южная граница ареала финно-угорской гидронимии; 4 — ареал финно-угорских племен в эпоху раннего железа

весьма многочисленных финно-угорских элементов. П. Н. Третьяков, пытаясь показать распространенность балтского элемента здесь, пишет: «Жаль, что мы не можем сказать, сколько погребений с восточной ориентировкой имелось в 7000 курганов, раскопанных А. С. Уваровым и П. С. Савельевым...» (стр. 117). Однако в изданных А. С. Уваровым «Выписках из дневников 1851—1854 гг.» западная ориентировка указана для 3288 погребений, северная (т. е. финно-угорская) — для 285, восточной ориентировки нет вовсе¹¹. Об этом же сообщает А. А. Спицын в работе, посвященной владимирским курганам: «Скелеты лежат головой на З., за весьма редкими исключениями. Именно попадает положение головой на С.»¹². Что касается вещевого материала ростово-суздальских курга-

¹⁰ А. И. Кельсиев, Отчет о раскопках, произведенных им в Ярославской и Тверской губерниях, «Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. XXXI, М., 1878—1879, стр. 298—302.

¹¹ А. С. Уваров, Меряне и их быт по курганным раскопкам, «Труды Первого археологического съезда», т. I, М., 1871, стр. 788—847. Направление остальных погребенных не определено, так как кости их скелетов сгнили.

¹² А. А. Спицын, Владимирские курганы, «Известия Археологической комиссии», вып. 15, СПб., 1905, стр. 99.

нов, исследованных А. С. Уваровым и П. С. Савельевым, то их славяно-мерянский облик представляется вполне очевидным.

Участие балтского этнического компонента в освоении севернорусских земель отражено в языковых материалах. В статье «К происхождению белорусов» было замечено, что характернейшая черта белорусского консонантизма — дзеканье и цеканье, кроме собственно белорусских

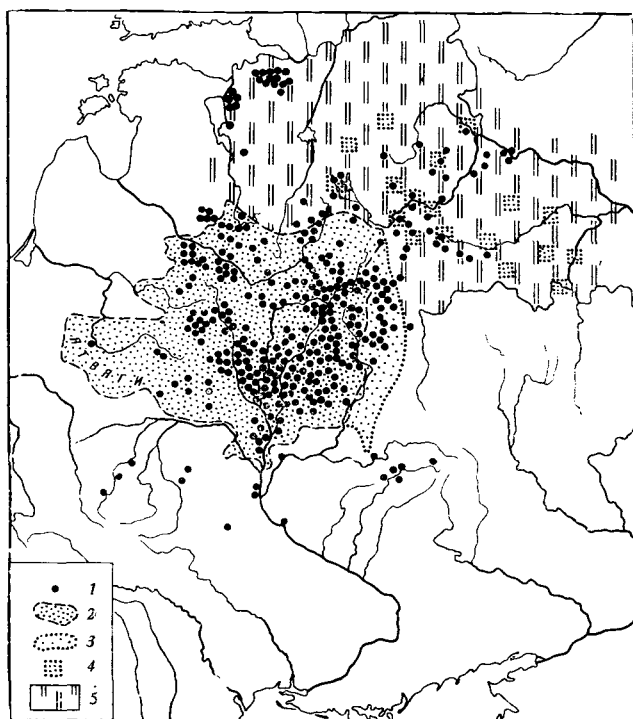

Рис. 4. Балтские элементы в древнерусских курганах
 1 — курганные могильники с балтскими элементами; 2 — белорусская этнолингвистическая территория; 3 — говоры, переходные к южновеликорусским на белорусской основе (по карте Московской диалектологической комиссии); 4 — районы распространения дзеканья на территории русских говоров; 5 — финно-угорская субстратная территория

земель, зафиксирована в ряде пунктов Псковской земли и в Волго-Окском междуречье. Картография этой фонетической особенности весьма показательна — ее распространение на русской территории в значительной степени совпадает с теми районами, где в материалах древнерусских курганов выявляется более или менее крупная концентрация балтизмов (рис. 4). Следовательно, присутствие балтских элементов в ряде курганов севернорусских территорий несколько не ослабляет аргументацию происхождения белорусского дзеканья и цеканья из межъязыкового взаимодействия славян с балтами.

П. Н. Третьяков считает, что у вятичей балтский субстрат был более сильный, чем у радимичей и дреговичей. Но такое утверждение нуждается в основательной аргументации. Если обратиться к вятическим курганным древностям, то в них нельзя найти материалов, свидетельствующих в пользу этого тезиса. Не свидетельствует о наличии балтского субстрата у вятичей и догадка П. Н. Третьякова о происхождении семилопастных височных колец вятичей от серповидных украшений с трапециевидными привесками. Последние действительно встреча-

ются у балтов, но только на территории, где вятичи никогда не жили (от Литвы до Смоленска). Предположение П. Н. Третьякова об эволюции этих украшений покоится исключительно на некотором внешнем сходстве их. Но даже если признать это предположение убедительным, его нельзя использовать для утверждения, что у «вятичей балтийский субстрат был, быть может, более сильный, чем у радимичей и дреговичей» (стр. 15). В. И. Сизов, сопоставляя орнамент семилопастных колец с арабской орнаментикой, пришел к выводу о происхождении вятичских височных украшений под арабским влиянием¹³. Наблюдения Б. А. Куфтина как будто подтверждают этот вывод¹⁴. А. В. Арциховский в связи с этим писал: «Мысль об арабском происхождении этих украшений является, по-видимому, плодотворной...»¹⁵. Об арабско-иранском происхождении семилопастных височных колец вятичей пишет и Б. А. Рыбаков¹⁶. Значит ли это, что вятичи сформировались на арабском субстрате? Безусловно, нет.

Тезис П. Н. Третьякова о том, что некоторые части Среднего Поднепровья и других южных древнерусских областей были заселены славянами, смешавшимися с балтами и «в той или иной мере уже поглотившими балтийский субстрат», основывается исключительно на его же гипотезе. Согласно этой гипотезе, левобережье Среднего Поднепровья и области между нижним Днепром и Днестром заселялись славянами с севера из верхнеднепровского бассейна¹⁷. Однако это предположение не встретило поддержки в археологической литературе. Материалы весьма убедительно показывают, что исходные данные гипотезы П. Н. Третьякова — членение верхнеднепровских древностей третьей четверти I тысячелетия на две части: северную — балтскую и южную — славянскую, являются искусственными¹⁸. Мне уже приходилось писать, что гипотеза П. Н. Третьякова находится в противоречии со всем комплексом данных, которыми располагает археология¹⁹.

Из всего сказанного можно сделать единственный вывод. Формирование славянского населения белорусской территории протекало в своеобразных условиях, заметно отличающихся от условий формирования славян других областей Древней Руси.

Существенного значения для решения проблемы этногенеза белорусов время проникновения славян в области верхнеднепровского бассейна не имеет. Что же касается времени завершения ассимиляции днепровских балтов, то эта дата (первые века 2 тысячелетия н. э.) вполне определенно устанавливается надежными лингвистическими критериями²⁰. Она согласуется и с археологическими данными²¹. Русские летописи не сообщают этнонимов верхнеднепровских балтов, видимо, потому, что самостоятельных неславянских племен к моменту составле-

¹³ В. И. Сизов, О происхождении и характере курганных височных колец преимущественно так называемого московского типа, «Археологические известия и заметки», М., 1895, № 6, стр. 177—188.

¹⁴ Б. А. Куфтин, Материальная культура русской мешеры, М., 1926, стр. 92.

¹⁵ А. В. Арциховский, Курганы вятичей, М., 1930, стр. 48.

¹⁶ Б. А. Рыбаков, Ремесло Древней Руси, М., 1948, стр. 106, 107.

¹⁷ П. Н. Третьяков, Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, М.—Л., 1966, стр. 254—273.

¹⁸ И. П. Русанова, Славянские памятники второй половины I тысячелетия н. э. на северо-западе Украины и юге Белоруссии, сб. «Древности Белоруссии», Минск, 1966, стр. 183—192.

¹⁹ В. В. Седов, Рецензия на кн. П. Н. Третьякова «Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге» (М.—Л., 1966), «Сов. археология», 1967, № 3, стр. 312, 313.

²⁰ M. Vasmer, Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropes: tl. 2—Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slavischen Ländern. Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse, Heft XVIII, Berlin, 1934, S. 364; В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, М., 1962, стр. 173.

²¹ В. В. Седов, Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси, «Сов. археология», 1961, № 2, стр. 121.

ния летописей здесь уже не было, а совсем не потому, что балты были ассимилированы славянами еще в I тысячелетии н. э., как это представляется П. Н. Третьякову.

Необходимо сказать несколько слов в защиту гидронимических границ древних балтов. П. Н. Третьяков упрекает меня в том, что они проведены по крайним точкам и даже кое-где с некоторым «запасом». То же повторяет и В. А. Жучкевич. Это неверно. Во всех случаях границы древнего балтского ареала проведены с учетом господства среди субстратных названий гидронимов балтского происхождения. «Крайние точки», т. е. наиболее отдаленные балтские гидронимы, остались далеко за пределами очерченного мною балтского ареала²². П. Н. Третьяков возражает против отнесения к балтской гидронимической территории части Припятского Правобережья, так как никаких древностей балтов I тысячелетия будто бы здесь нет. Но ведь гидронимическая карта совсем не зависит от археологического материала. Ни один исследователь не в праве изменять гидронимические ареалы, если они расходятся с археологическими! В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев при исследовании верхнеднепровской гидронимики отметили свыше 20 водных названий балтского происхождения. Экспедиционные исследования киевских топонимистов, произведенные позднее, выявили в Украинском Полесье как новые топонимические балтизмы, так и следы балтского словообразования на славянском ономастическом материале. Стало очевидным, что районы Украинского Полесья являются южной периферией балтов, или, иными словами, южной окраиной балтского топонимического ареала²³. Анализ среднеднепровской гидронимики, недавно выполненный О. Н. Трубачевым, показал, что балтские водные названия в правобережной части Поднепровья встречаются значительно южнее Припяти до поречья Тетерева и верховьев Горыни и Случи²⁴.

Жаль, что П. Н. Третьяков не говорит, чем его не удовлетворяет карта распространения белорусского языка в начале XX в., составленная Е. Ф. Карским. Меня П. Н. Третьяков относит к числу балтских патриотов, а Е. Ф. Карского, видимо, считает белорусским патриотом, произвольно увеличившим ареал белорусской лингвистической территории. Между тем карта Е. Ф. Карского обоснована серьезными лингвистическими критериями, которые до сих пор не отвергались специалистами. Еще в 1902 г. этот исследователь отметил целый ряд собственно белорусских языковых особенностей, неизвестных соседним народностям²⁵. Картография белорусизмов и послужила основой при определении территории распространения белорусского языка для начала XX в.²⁶

---

²² Таковы, например, Локня и Ромен (притоки Сулы) и приток Воркслы Полтавка в Среднем Поднепровье (О. С. Стрижак, Назви річок Полтавщини, Київ, 1963), Локна, Лоша, Уша, Велия, Вобля, Ратужа, Курша и Цна в рязанском течении Оки (В. В. Седов, Рязанско-окские могильники, «Сов. археология», 1966, № 4, стр. 103, 104), Тосна, Валдай, Бологое, Цна в Новгородской земле (Е. М. Поспелов, О балтийской гипотезе в севернорусской топонимике, «Вопросы языкознания», 1965, № 2, стр. 29, 30).

²³ А. П. Непокупный, Словоупотребление как балтийский элемент в топонимии Украинского Полесья, «Конференция по топонимике северо-западной зоны СССР. Тезисы докладов и сообщений», Рига, 1966, стр. 100—102; его же, Балтійські елементи в географічних назвах України, Київ, 1968.

²⁴ О. Н. Трубачев, Названия рек Правобережной Украины, М., 1968, стр. 284, 285.

²⁵ Е. Ф. Карский, К вопросу об этнографической карте белорусского племени, СПб, 1902.

²⁶ Е. Ф. Карский, Этнографическая карта белорусского племени, Пг., 1917. П. И. Кушнер, не подвергая критике лингвистическую основу карты Е. Ф. Карского, подчеркнул, что она не отражает современной этнической границы белорусов, устанавливаемой по данным переписей 1897 и 1926 гг. Однако составленная П. И. Кушнером карта на основе переписи населения 1926 г., на мой взгляд, лишь подтверждает карту

На диалектологической карте восточнославянских языков, составленной в итоге многолетних исследований Московской диалектологической комиссии, ареал белорусского языка весьма близок к территории, очерченной крупнейшим белорусоведом²⁷.

Правда, говоры Смоленщины и Брянщины ныне уже не являются белорусскими. Начиная с XVI в. они испытали сильное влияние русских говоров, сопровождаемое инфильтрацией русского населения²⁸. Однако белорусская основа этих говоров не подлежит сомнению²⁹. На вопрос о том, какой картой должен руководствоваться исследователь белорусского этногенеза — картой распространения белорусского языка в XIX — начале XX в. или современной политической картой Белорусской ССР, может быть дан лишь один ответ. Для решения проблемы происхождения белорусов важнее этнолингвистическая карта начала XX в. и более раннего времени.

П. Н. Третьяков полагает, что не все балтские элементы, обнаруживаемые в древнерусских курганах Белоруссии, субстратны по происхождению. Какая-то часть их могла быть следствием контактов верхнеднепровского населения с балтскими племенами Прибалтики. Такая мысль сама по себе представляется вероятной. Однако она нуждается в аргументации. Ведь верхнеднепровские вещи, которые относятся к балтским по происхождению, обычно не идентичны прибалтийским. Прибалтийский импорт по вполне понятным причинам не может быть включен в число балтских субстратных элементов, что в статье «К происхождению белорусов» оговорено специально. Что касается инфильтрации балтского населения из прибалтийских областей в Поднепровье, то она, судя по археологическим материалам, была ничтожной, П. Н. Третьяков пишет: «Возьмем восточнолитовские средневековые древности: разве там не встречаются вещи древнерусского происхождения? Их там немало. Можно составить карту распространения древнерусских элементов в средневековых памятниках ятвягов и литовцев. Она будет достаточно плотной, но, глядя на нее, никто не скажет, что эти элементы — наследие славянского субстрата!» (стр. 117). Это — ошибочное представление. В восточнолитовских курганах нет ни одного погребения, совершенного по славянским обрядам. В вещевой коллекции этих курганов нет ни одного типично восточнославянского украшения³⁰. Материалы городских поселений при этом, как и в области Верхнего Поднепровья, лучше оставить в стороне, так как население городов обычно имеет пестрый племенной состав. Латгальские могильники также не обнаруживают славянских элементов. Например, в Нукшинском могильнике, все мужские захоронения имеют восточную (неславянскую) ориентировку, а женское убранство настолько своеобразно, что не может быть и речи о славянском происхождении какой-либо детали костюма³¹. Археология не дает ни малейшего повода для предположения о славянском субстра-

Е. Ф. Карского — на Смоленщине и в Брянщине вплоть до восточной границы белорусского языка, но Е. Ф. Карскому, имеются многочисленные следы белорусского населения. См.: П. И. Кушнер (Кнышев), Этнические территории и этнические границы, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XV, М., 1951.

²⁷ Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков, Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, М., 1915; Р. И. Аванесов, Очерки русской диалектологии, ч. I, М., 1949.

²⁸ Е. Ф. Карскому это было прекрасно известно. В своих работах он отмечал присутствие большого числа русских поселений в восточной части белорусской этнолингвистической территории.

²⁹ П. А. Расторгуев, Говоры на территории Смоленщины, М., 1960, стр. 184. Наличие белорусизмов отмечается и авторами последнего издания «Русской диалектологии» (М., 1965).

³⁰ А. З. Таутавичюс, Восточнолитовские курганы, сб. «Вопросы этнической истории народов Прибалтики», М., 1959, стр. 128—153.

³¹ «Нукшинский могильник», Рига, 1957. Из 109 мужских захоронений, ориентировка которых была определена, 108 положены головой к востоку (включая СВ и ЮВ). Только одно захоронение имело северо-западную ориентировку (погребение 23).

те в Литве или Латвии. Иное дело — ятвяжские погребения Верхнего Понеманья и Берестейской волости. Здесь в XI — XIII вв. ятвяги жили чересполосно со славянами и подверглись постепенной аккультурации. Поэтому в ятвяжских погребениях обычны славянские находки. Однако последние не субстратного, как пишет П. Н. Третьяков, а суперстратного происхождения. Ведь хорошо известно, что славяне расселились на ятвяжской территории, а не наоборот!

* * *

Статья В. А. Жучкевича посвящена исключительно топонимическому материалу Белоруссии. При изучении этногенеза белорусов данные гидронимики использованы мною для подтверждения двух тезисов: 1) население, занимавшее белорусскую территорию до славянского расселения, было балтоязычным; 2) значительное число балтских названий здесь говорит о том, что в процессе славянского расселения местные балты не покинули места своего жительства, а смешались со славянами и подверглись ассимиляции. Первое положение не вызвало возражений со стороны В. А. Жучкевича. Можно считать вполне доказанным, отмечает исследователь, что на территории Белоруссии действительно сохранились географические названия несомненно балтского происхождения. Однако В. А. Жучкевич неожиданно ограничивает число балтизмов на белорусской территории 40 гидронимами и 250 топонимами. Какими мотивами руководствовался автор, не признавая балтскими сотни бесспорно балтских названий, выявленных весьма авторитетными специалистами? Объяснить это можно двояко: либо В. А. Жучкевичу были недоступны многие топонимические работы по белорусской территории, либо он признал выводы исследователей, работавших до настоящего времени в области белорусской топонимии, неубедительными. Но в последнем случае необходимы доказательства неубедительности прежних исследований, а таковых ни в статье «К вопросу о балтийском субстрате в этногенезе белорусов», ни в каких-либо других работах В. А. Жучкевича нет.

В. А. Жучкевич вовсе не касается тех балтских названий, которые определены К. Бугой. Отсюда нужно заключить, что в его распоряжении нет данных для дискуссии по этим названиям.

В. А. Жучкевич пишет только о некоторых неточностях, допущенных в книге В. Н. Топорова и О. Н. Трубочева. Можно признать справедливыми его замечания, касающиеся гидронимов Пустомстижки, Поджодинки. Но такие мелкие поправки несколько не ослабляют вывода об обширности в Верхнем Поднепровье гидронимического напластования балтского происхождения, тем более, что со многими замечаниями В. А. Жучкевича трудно согласиться. Так, исследователь полагает, что речное название Весейка происходит от «веси» (село), гидроним Беседь от «беседы» и т. д. Однако на территории Минской губернии совсем нет поселений с названиями типа Веси, а имеются именно Весея и деревни Весея-Кондратовичи и Весея-Слобода, расположенные на берегах р. Весей-Весейки³². В данном случае представляется бесспорным, что все эти топонимы производны от гидронима. Ошибочно полагать, что гидроним Случь происходит от белорусского «злучина» (русс. «излучина», а Припяць — от белорусского «прыпеч» (русс. «опечек»). Эти гидронимы упоминаются в летописях еще до сложения белорусского языка. Их этническая атрибуция не определена окончательно не потому, что исследователи не могли до сих пор подыскать в белорусском или каком-либо еще словаре соответствующих апеллятивов. Такой подбор является всего-навсего реликтом донаучной ономастики.

³² «Список населенных мест БССР», Минск, 1924, стр. 234.

Далее, В. А. Жучкевич предлагает разделить белорусскую территорию на две части — северную и южную, граница между которыми проводится по линии, проходящей через Пружаны, Слуцк, Рогачев, Костюковичи. К северу от этой линии наблюдается большая плотность географических названий балтского происхождения и, как справедливо замечает исследователь, островки балтского населения сохранялись здесь в славянском окружении длительное время, в отдельных местах вплоть до последних столетий. Поэтому, конечно, не исключено, что в таких очагах отдельные балтские микротопонимы возникли в эпоху позднего средневековья. В южнобелорусских землях (к югу от линии Пружаны — Слуцк — Рогачев — Костюковичи), по подсчетам В. А. Жучкевича, на соответствующую единицу площади приходится меньший процент названий балтского происхождения. Однако из этого наблюдения вовсе не следует, что балты занимали только северобелорусские земли и не обитали на юге Белоруссии. На этом основании можно лишь говорить о неодинаковом балтском компоненте в разных областях белорусской территории и ни о чем более. В. А. Жучкевич допускает серьезную ошибку, ограничивая ареал балтской гидронимики только теми областями Белоруссии, где географические названия балтского происхождения составляют около половины и более всех топо-гидронимов³³. Ошибочность этого вывода очевидна хотя бы из такого сравнения. Иранская гидронимика в силу ряда причин лучше сохранилась в днепровском лесостепном левобережье, и хуже — в причерноморских степях³⁴. Однако было бы абсурдным на этом основании ограничивать ареал иранизмов на юге Восточной Европы только днепровской лесостепью.

Кажется, напрасно упрекает меня В. А. Жучкевич в «небрежном отношении к белорусской терминологии». Речь идет о терминах, связанных с белорусским крестьянским строительством и одинаковых с балтскими: «шула» — «столб», «свірон» — «амбар». В. А. Жучкевич замечает, что белорусское «шула» действительно балтского происхождения, но означает оно не столб, а дверной косяк. Это недоразумение³⁵.

* * *

Статья М. Я. Гринבלата, на мой взгляд, показывает слабость позиции тех исследователей, которые полагают, что белорусы как отдельная этнолингвистическая общность сложились вследствие политико-административного членения восточного славянства. Мой оппонент придерживается мнений Е. Ф. Карского и В. И. Пичеты. Какими же фактически данными из области археологии, этнографии, антропологии, языкознания и истории располагает современная наука для подкрепления этих мнений? Бесспорно, что такие данные были бы самым веским аргументом против положений, высказанных в моей статье. Но оказывается, что таковых нет. М. Я. Гринблат ограничивается общими рассуждениями, не приводя убедительных доказательств в пользу своей точки зрения. В одном месте статьи он говорит о возможности отражения былых племенных особенностей восточных славян при формировании белорусов, но также без какой-либо аргументации.

Наиболее подробно М. Я. Гринблат останавливается на рассмотрении данных этнографии, приведенных в моей статье. Это понятно, ибо мой оппонент является прежде всего специалистом по белорусской этно-

³³ В. А. Жучкевич, Топонимика, Краткий географический очерк, Минск, 1965, рис. 21.

³⁴ См. В. В. Седов, Балто-иранский контакт в Днепровском левобережье, «Сов. археология», 1965, № 4, стр. 53, рис. 1.

³⁵ Белорусское «шула», «шуло» — столб (в строении или ограде), см. «Беларуска-рускі слоўнік», М., 1962, стр. 1030. Дверной косяк по белоруски «вушак». То же отмечает Н. Н. Улащик в своей рецензии на книгу В. А. Жучкевича «Топонимика Белоруссии» (М. Улашчык, Пытанні тапанімікі Беларусі, «Польмя», 1968, № 6). Замечание В. А. Жучкевича относительно славянской основы в белорусском слове «сядзіба» считаю правильным.

графии. М. Я. Гринблат стремится показать, что те элементы из области этнографии, которые мною отнесены к субстратным по происхождению, не субстратны.

1. В моей статье отмечается, что зафиксированное этнографами культовое почитание змей на белорусской территории сохранилось еще от древних балтов, живших здесь до прихода славян. М. Я. Гринблат считает это заблуждением на том основании, что змеи постоянно фигурируют в русских былинах, в русских, украинских и белорусских сказках и даже в летописях. Но спрашивается, какое отношение имеют сказочно-былинные сюжеты о борьбе со змеями, сказочном Змее-Горыныче или летописное предание о смерти Олега, ужаленного змеей в ногу, к восточному почитанию змей? Никакого! Змееборческая тематика распространена среди балтов (и белорусов), — явления полярного характера! В восточнославянском фольклоре змея — злое существо, приносящее много бед человеку, с нею сражаются, ее убивают. У балтов и у славян белорусского этнолингвистического ареала змея (уж) — объект культового почитания, ее держат в жилище, кормят, она является покровителем семьи. Таким образом, первое этнографическое возражение М. Я. Гринבלата основано на недоразумении.

2. В моей статье говорится, что белорусский тип лаптей, распространенный до недавнего времени среди белорусов, восточных литовцев и латышей, возник у насельников болотистых и низменных местностей в глубокой древности еще до славянского расселения. Ареал лаптей белорусского типа соответствует территории расселения восточнобалтских племен до славянской миграции второй половины I тысячелетия. М. Я. Гринблат не согласен с этим. Он, видимо, полагает, что балты до прихода славян ходили босиком, а дреговичи, расселившись в Полеской низменности, «создали нужный им тип обуви» и разнесли его среди кривичей, полочан, радимичей, восточных литовцев и латышей. Каким-либо доказательствам в пользу этого предположения М. Я. Гринблат не приводит, да их просто и нет. То, что белорусы называют рассматриваемый тип обуви славянским термином, ни о чем не говорит. В то же время мои обоснования субстратного происхождения лаптей белорусского типа М. Я. Гринблат оставил вне поля зрения.

3. М. Я. Гринблат отрицает возможность субстратного происхождения у белорусов женской несшитой поясной одежды и головного уборанаметки на том основании, что их распространение иногда выходит за пределы древнего балтского ареала, и название наметки бесспорно славянское, а не балтское. В этой связи он пишет: «...Неужели древний балтский ареал достигал районов Рязани, Курска и Харькова...». Между тем на Оку в районе Рязани балты бесспорно проникали³⁶, а земли вокруг современных Курска и Харькова, как известно, после татарского нашествия опустели и были заселены вторично славянами сравнительно поздно. Так что древний балтский ареал здесь не при чем. Несшитая поясная одежда и головной убор типа наметки занесены в районы Курска и Харькова поздними колонистами. Ни одна из карт в «Восточнославянском этнографическом сборнике», на которые ссылается М. Я. Гринблат, не противоречит положениям, высказанным мною в статье «К происхождению белорусов».

Что касается славянской этимологии наметки, то нужно иметь в виду, что название предмета и происхождение этого предмета не всегда равнозначны. Например, сарай для хранения зерна юго-восточные белорусы называют тюркским словом «амбар», а этот сарай не имеет ничего общего с тюркскими постройками. Славянское название того или иного предмета отнюдь не означает, что этот предмет исконно славянский.

³⁶ В. В. Седов, Рязанско-окские могильники.

4. Столбовая техника возведения стен на белорусской этнолингвистической территории действительно восходит к домостроительству древних балтов. М. Я. Гринблат пытается отрицать это, утверждая, что подобная строительная техника известна ранним славянам на территории Польши. Сноску на источник, из которого почерпнуты эти сведения, М. Я. Гринблат не сделал, а между тем это утверждение противоречит фактам. Домостроительство славян накануне их расселения на территории Белоруссии ныне хорошо известно. Для северо-западной части славянства (Польша и северная часть ГДР) были характерны срубные постройки, для остальной части — полуземлянки³⁷. Нет никаких оснований полагать, что столбовая техника строительства была принесена в области Верхнего Поднепровья и Подвинья славянскими колонистами. Утверждение, что столбовая техника возведения стен на белорусской территории уходит корнями в глубокую древность к балтскому домостроительству, вовсе не означает, что подобная техника в Европе была известна только балтам.

М. Я. Гринблат пишет, что белорусское слово «свірон» действительно балтского происхождения, но не субстратного, а результат позднего заимствования. Может быть, это и так, однако в пользу позднего происхождения этого термина отнюдь не свидетельствует назначение свірона. Помещение для хранения зерна появилось у славян Белоруссии значительно раньше включения западнорусских земель в состав Великого княжества Литовского. Распространение в настоящее время термина «свірон» преимущественно в северо-западных и западных областях Белорусской ССР также не говорит об его позднем происхождении. Балтизмы известны не только на западе Белоруссии, немало их и в восточных районах республики, и даже на Смоленщине. Поэтому невозможно объяснить заимствованием все балтизмы в белорусской лексике.

М. Я. Гринблат признает, что поверья, связанные с камнями, у белорусов действительно балтского субстратного происхождения, но в последнее время они занимали небольшое место в культовых представлениях.

Таким образом, ни одно из этнографических возражений М. Я. Гринבלата не приемлемо, ибо они покоятся на недооценке фактических материалов или на недоразумении.

Археологические материалы, свидетельствующие о формировании славянского населения Верхнего Поднепровья и смежных областей в условиях взаимодействия славян с балтами, М. Я. Гринблат не оспаривает. Правда, он высказывает сомнение относительно значительной роли балтского субстрата. Последнее могло быть оправдано, если бы балтизмы в археологических материалах были единичны. На самом же деле они прослеживаются здесь в большом числе и на протяжении нескольких столетий. Странным кажется предложение М. Я. Гринבלата видеть в этих балтизмах следы совместного проживания балтов и славян на одной территории, — ведь именно это и утверждается в моей статье. В Верхнем Поднепровье славяне расселились среди балтоязычного населения. Длительное совместное проживание балтов и славян на одной территории (вплоть до XIII в.) привело к ассимиляции первых, к формированию единого славянского населения.

Стремясь показать, что балты не принимали участия в этногенезе белорусов, М. Я. Гринблат пишет, что субстратные элементы, обнаруживаемые мною в археологических материалах, не оставили следа в быту и культуре белорусов. Но так прямолинейно сопоставлять этнографические данные XIX — начала XX в. с археологическими фактами VIII — XII вв. нельзя хотя бы потому, что эти периоды разорваны семью-восемью столетиями. Подобные сопоставления могут привести к абсурд-

³⁷ В. Седов, Вивчення етногенезу слов'ян, «Народна творчість та етнографія», 1967, № 4, (стр. 41—47); в статье даны сноски на соответствующую литературу.

ным выводам. Хорошо известно, что курганные древности радимичей, дреговичей и полочан не имеют следов в быту и культуре белорусов. Однако это вовсе не значит, что древнерусские славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья не принимали участия в белорусском этногенезе.

Напрасно М. Я. Гринблат предлагает расчленить этногенез славян Верхнего Поднепровья и смежных областей на два этапа в зависимости от политической истории этого края — период Древней Руси и период Великого княжества Литовского. Исходя из предположения, что белорусы начали формироваться только после включения западнорусских земель в состав Литовского княжества, он утверждает, что этническая история славян в период Древней Руси не имеет отношения к белорусскому этногенезу. Едва ли с этим можно согласиться. В статье «К происхождению белорусов» отмечалось, что отдельные языковые особенности, ставшие характерными для белорусов, появляются еще в памятниках древнерусской письменности начала XIII в. вне пределов Литовского княжества (договорная грамота Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г.)³⁸. Следовательно, начало формирования белорусского языка уходит корнями в эпоху домонгольской Руси. Напрасно М. Я. Гринблат делает упор на то, что наиболее ранние памятники белорусской письменности относятся к эпохе Ф. Скарины. Это ни о чем не говорит. Известно, например, что «Повесть временных лет» написана только в XII в. Но никто же не станет на этом основании определять время сложения древнерусского языка XII веком. Языковеды не без основания считают, что древнерусский язык сформировался в VIII в. Белорусский язык мог также сформироваться на несколько столетий ранее, чем он зафиксирован письменными документами.

Рассуждения М. Я. Гринבלата относительно антропологических данных противоречивы. С одной стороны, он отмечает, что выводы об участии балтов в этногенезе славян Белоруссии на основе изучения данных антропологии сформулированы мною верно³⁹, с другой стороны, утверждает, что данные антропологии не могут быть использованы для вывода об участии балтского субстрата в этногенезе верхнеднепровских славян. Видимо, мой оппонент не представляет себе, что участие балтского субстрата в этногенезе славян Белоруссии есть не что иное как ассимиляция местных балтов славянами.

Таким образом, М. Я. Гринблату, на мой взгляд, не удалось найти материалов из области археологии, антропологии и этнографии, которые бы противоречили основному положению моей статьи: в формировании славянского населения белорусской этнографической территории значительная роль принадлежит балтскому этническому элементу.

Не оказалось таких фактов и среди лингвистических материалов. Суждения М. Я. Гринבלата по этому поводу не представляются убедительными. Так, Е. Ф. Карский выявил в белорусском языке несколько десятков слов балтского происхождения, что и отмечалось мною. В ответ М. Я. Гринблат пишет, что таких слов немного, поэтому они не субстратны по происхождению. Но разве можно делать какие-либо выводы, исходя только из количества слов? Тем более, что балтизмы в белорусских диалектах совсем не единичны. Статья Е. Ф. Карского относится к началу XX в., а ведь список балтизмов был значительно пополнен в последующие десятилетия. В статье «К происхождению белорусов» отмечается, что большую группу слов, появившуюся в белорусском языке как результат балтского субстрата, приводит Я. Станкевич. Думается, что политическая характеристика моим оппонентом этого авто-

³⁸ Т. П. Ломтев, *Белорусский язык*, М., 1951, стр. 6.

³⁹ Впрочем, тут же он высказывает сомнение в значительности балтского населения, ассимилированного славянами. Как и во многих местах статьи, здесь не говорится о главном — какие факты (если они есть) дают основание для подобного сомнения.

ра — малоубедительный аргумент против наличия в белорусском языке балтского субстрата. Вывод о роли балтского субстрата в истории польского языка принадлежит Я. Отрембскому, а не мне, как это представляется М. Я. Гринблат. В той части моей статьи, где речь идет о следах балтского воздействия на белорусский язык, кроме работ Е. Ф. Карского и Я. Станкевича, рассматриваются выводы Я. Розвадовского, К. Буги, В. Вондрака, Ю. Шереха и др. М. Я. Гринблат обходит молчанием эти факты.

Библиография вопроса о восточнославянском аканье насчитывает сотни работ. При рассмотрении этой проблемы мною сделана ссылка на новейшую литературу — статьи, напечатанные в последние годы в журнале «Вопросы языкознания». В этих статьях исследуется и обобщается все, что было накоплено лингвистикой, в том числе и работы Р. И. Аванесова и белорусских диалектологов. Поэтому упрек М. Я. Гринבלата, что мною не учтены исследования Р. И. Аванесова и белорусских ученых, выглядит по меньшей мере странным. Такой же странной представляется фраза М. Я. Гринבלата о том, что мои утверждения о происхождении аканья противоречивы. По всей вероятности, мой оппонент смешал два разных вопроса — вопрос о зарождении аканья и вопрос об его распространении.

Не могу также согласиться с мнением М. Я. Гринבלата относительно происхождения дзуканья на литовской территории. Литуанист В. Гринавецкис на основе лингвистического анализа пришел к выводу, что эта фонетическая особенность — не заимствование, а продукт межъязыкового взаимодействия. Этот факт и отмечается в моей статье. Из того обстоятельства, что в быту и культуре Дзукии, как отмечает М. Я. Гринблат, имеются некоторые черты, близкие к белорусским, вовсе не следует вывод с заимствованием дзуками рассматриваемой фонетической особенности у белорусов. Фонетика обычно не заимствуется у соседей.

К сожалению, некоторые мои мысли М. Я. Гринблатом преподносятся искаженно. Так, мой оппонент говорит, что роль Великого княжества Литовского в этногенезе белорусов мною «отмечается». Но достаточно прочесть последнюю страницу моей статьи, чтобы убедиться в ошибочности подобного утверждения. В моей статье на основе анализа фактических материалов только показано, что политическое и экономическое обособление западных белорусских земель не могло быть первопричиной образования белорусов и их языка. Напрасно М. Я. Гринблат утверждает также, что мною не учтены влияния польской, литовской и других народностей при формировании белорусов. Ведь все эти влияния относятся в основном к более позднему времени, чем период зарождения белорусского языка, и также не могли быть первопричиной формирования белорусов.

Вызывает удивление утверждение М. Я. Гринבלата об ошибочности моего методологического подхода к проблеме этногенеза белорусов. Он пишет, что теоретической основой моей точки зрения будто бы послужил анализ балтской гидронимики и теория субстрата в современном языкознании. В действительности, в основе вывода об участии балтского субстрата в белорусском этногенезе лежат не теоретические предпосылки языковедческой теории субстрата, а фактические данные археологии, антропологии и этнографии, которые свидетельствуют о том, что при формировании славянского населения Верхнего Поднепровья и смежных областей было ассимилировано местное население. Гидронимика позволяет определить, что дославянское население этого края говорило на балтских диалектах, а данные лингвистики обнаруживают следы, балтославянского языкового взаимодействия. В этих условиях и начинается формирование белорусского языка и народности. М. Я. Гринблат убежден, что субстрат оказывал влияние при формировании ранних этниче-

ских общностей, а не народностей (какие факты убедили его в этом, остается неизвестным). Но как же быть в этом случае с формированием французского и испанского языков (ведь это языки народностей!), сложившихся в условиях усвоения латыни кельтскими (галльскими) и иберийскими племенами? Очевидно, одной убежденности мало, нужны доказательства, факты!

Мне кажется, что основные положения статьи «К происхождению белорусов» остаются в силе. Специфической особенностью этнического развития славянского населения белорусского ареала является то, что происходило оно здесь в условиях воздействия балтского субстрата. Нигде на других восточнославянских территориях не было подобных условий. Благодаря ассимиляции балтов в языке славян Верхнего Поднепровья, Подвинья и Понеманья и смогли появиться те особенности, которые ныне называются белорусизмами.

SUMMARY

The author answers the comments of P. N. Tretyakov («Soviet Ethnography», 1967, № 4), V. A. Zhoutchkievitch («Soviet Ethnography», 1968, № 1) and M. Ya. Grinblat («Soviet Ethnography», 1968, № 5) on his paper «On the ethnogenesis of Byelorussians» («Soviet Ethnography», 1967, № 2). P. N. Tretyakov states that the Balts occupied a wider territory in Eastern Europe than the formation area of the Byelorussians and thus served as a substratum for all Eastern Slavs. The author is of the opinion that P. N. Tretyakov does not take into account the specific character of ethnogenetic processes in different Eastern Slav areas. It was only the Byelorussian territory that was occupied by Balts from profound antiquity. The penetration of separate groups of Balts into Finno-Ugric territory in the area of the subsequent formation of the Russian people cannot be equated with those Balt — Slav relations which took place in Byelorussian territory.

P. N. Tretyakov's criticism of E. F. Karski's map of the Byelorussian language and of the author's map of Balt hydronymy appears unjustified.

The author disputes the opinion of V. A. Zhoutchkievitch as to the comparatively small number of Balt toponyms in Byelorussia and also his statement that northern Byelorussia with its high percentage of Balt toponyms was part of the Balt area, while southern Byelorussian territories should be excluded because here Balt names are rarer.

M. Ya. Grinblat's arguments against the contribution of the Balt substratum to the ethnogenesis of the Byelorussians are not valid; some of them contradict factual data. M. Ya. Grinblat's article once more shows the weakness of the position of those scientists who regard the formation of the Byelorussians as the result of the political and administrative division of the Eastern Slav world. In the author's opinion, there are no facts known to science supporting such a view.

The author considers that the main thesis of his article «On the origin of the Byelorussians» stands unrefuted, namely that the ethnogenesis and the glottogenesis of Slavs inhabiting the Byelorussian area took place on the basis of assimilation of a Baltic substratum.

ОТ РЕДАКЦИИ

Публикацией ответа В. В. Седова его оппонентам редакция журнала «Советская этнография» подводит некоторые итоги дискуссии по проблеме этногенеза белорусского народа. Конечно, еще нельзя считать вполне решенным вопрос о происхождении белорусов, об исторических условиях выделения их в особую этническую общность в рамках восточнославянского этноязыкового единства. Но дискуссия, несомненно, оказалась очень полезной. Вероятно, теперь уже никто не удовлетворится одной из

двух крайних точек зрения, существовавших в науке прежде: и старой точкой зрения А. А. Шахматова, согласно которой уже в группировке древнеславянских племен были заложены черты разграничения будущих восточнославянских народов (причем считалось, что белорусы сложились из соединения древлян, дреговичей и радимичей); и более новой точкой зрения (Е. Ф. Карского и др.), что выделение белорусской общности было обусловлено лишь Литовско-Русским государственным объединением XIII—XIV вв. Хотя доля истины есть, быть может, в обеих этих концепциях, ни одна из них недостаточна для объяснения процесса формирования белорусской этноязыковой общности со всеми ее особенностями.

Мысль о существенной роли балтского (балтийского) этнического компонента в формировании белорусского народа высказывалась в литературе и раньше, но только В. В. Седов попытался обосновать ее серьезно и всесторонне. Оппоненты В. В. Седова — П. Н. Третьяков, В. А. Жучкевич, М. Я. Гринблат — оспаривают его основной тезис. Но если присмотреться, то можно заметить, что разногласия между спорящими сторонами не так уж велики.

По существу все выступившие в дискуссии признают участие балтского компонента в формировании белорусской этнической общности. Но П. Н. Третьяков считает, что этот балтский компонент вошел в состав не только белорусского, но и всего восточнославянского населения, и притом вошел в более раннее время, еще до начала II тысячелетия н. э. Он признает, однако, что «плотность балтийских элементов... была наиболее высокой именно в пределах Верхнего Поднепровья, где позднее сформировалась белорусская народность» («Сов. этнография», 1967, № 4, стр. 117). В. А. Жучкевич, напротив, склонен суживать область проявления балтийских элементов (в топонимике, языке), ограничивая ее лишь северной частью белорусской этнической территории, но зато растягивая во времени на целое тысячелетие — IX—XIX вв. («Сов. этнография», 1968, № 1, стр. 109, 111, 113). М. Я. Гринблат возражает преимущественно против понятия «субстрат» и предпочитает говорить о «славянизации балтов», о «постепенной ассимиляции первоначального балтийского населения славянами» («Сов. этнография», 1968, № 5, стр. 81, 91 и др.); однако он не придает этим балтийским элементам существенного значения в формировании белорусской культуры.

Как бы то ни было, в статьях каждого из участников дискуссии есть ценные данные и соображения, которые во многом проясняют и конкретизируют проблему этногенеза белорусов. Дальнейшие исследования, несомненно, должны повести к более полному ее решению.
